

ДУЖИЕ СТИХИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ
В ЭЛЕКТРОНКЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АГАТА МАУЗЕНТ

18+

Агата Маценг
Дикие стихи для
чтения в электричке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65743510

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник стихов от девушки без соответствующего образования и навыков работы в данной сфере.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Кислотный астронавт	5
Наведи на меня вальтер	7
А я мечтала спать в пустом гробу	8
Инопланетяне всех моих быков украли	9
Пало Альто	11
Ядовитый плющ	12
Горький тмин	14
Вирус	15
Танцы за пределами вселенной	17
В глазах твоих безмолвная печаль	19
На спор стрелять слишком глупо	21
Серьги в меду	22
Вишня над твоей могилой	24
Хорошие мальчики	25
Девочка из ниоткуда	27
На цепи	29
Прикрой меня цедрой лимона	31
Последняя девушка на свете	33
Непенф	35
Все умрут, а я останусь	37
Крокодилы в твоей кровати	40
Очень жаль	41
Абсурдные картины моего воображения	42

Ржавые гвозди	44
С неба падали люди гнилые	45
Вскармливание	47
Абсурдные картины моего воображения 2	49
Похорони меня, прошу, заживо	51

Агата Маценг

Дикие стихи для чтения в электричке

Кислотный астронавт

Привет мой друг с обезображенным лицом.
Кривыми скулами и столь печальным взглядом...
Тебя отправили, зачем, так далеко?
Тебя оставили в том измерении десятом.

Тебе так много обещали звезды,
Кричали мир к ногам твоим падет!
Но все-таки забудут о своем кислотном госте,
Как только в синеве сверхновая взойдет.

Твои родители ночами будут плакать,
Под звезд плеядами от боли умирать.
Они не вынесли бы годы того мрака,
В котором ты готов посмертно отдыхать.

Мой милый друг, мой астронавт кислотный,
Прошу, ты привези мне лунной пыли в рюкзаке.

Но ты ведь самый глупый, самый сумасбродный,
Ты привезешь не пыль, а сладкий вирус в горьком лепестке.

Тебя лечить таблетками никто уже не будет,
Тебя жалеть теперь не хочется совсем.
Ты астронавт, тебя земля не позабудет,
И не забудет сколько от тебя проблем.

Токсичен, ядовит, озлоблен и потому ты изгнан...
Скитаться суждено тебе среди планет.
Ты маленький еще, поэтому капризный,
Но все равно ты будешь мной воспет.

Наведи на меня вальтер

Наведи на меня вальтер, что в Ганновере украл.
Ты не милый христианин, ты паршивый маргинал.
Разбуди соседей смело, моей смертью поутру,
Убери подальше тело, распугаешь детвору.
Не пытался разобраться, ты, в ситуации простой,
Тебе проще влезть в свой панцирь и нарушить мой покой.
Творчество не принуждает быть загадочным и злым.
Им не нужно твоей боли, нужно, чтоб ты был немым.
Мы так плохо знаем время, а оно не знает нас,
Ты стреляй из пистолета, чтоб во мне огонь угас.
Обещай, что не забудешь, мой манерный, грубый тон,
И как прежде утром будешь, вслух читать всем фельетон.
Наведи на меня вальтер, но не в голову, прошу!
Вот настал мой час прощальный, я невольно задрожу...
Жаль луна так далеко, мне на ней бы оказаться,
Но теперь уже все равно, духом на земле скитаться...

А я мечтала спать в пустом гробу

А я мечтала спать в пустом гробу,
В нелепом ящике без ручки,
Начать с тобой бесшумную стрельбу,
В глаза втыкать цветов колючки.
А я мечтала целовать гортензии бутоны,
Срезать и прятать под одеждой боль...
Построить под водой аттракционы,
И распивать на такабише алкоголь.
Мечтала я о свадьбе в Будапеште,
О том, как брошу, злобно, краденый букет,
И той же ночью лягу в старенькой одежде,
В холодный, ненавистный мне подклет.
Мечтать? Я больше не мечтаю...
Писать стихи забросила совсем.
Все дело в том, что я тихонько засыпаю,
Все дело в том, что отправляюсь я в Эдем.

Инопланетяне всех моих быков украли

Я стадо вывела свое пастись на поле.

Под кровью окропленным небом завывали синие быки...

И выли, в голос, до рассвета,
мешая спать слепым соседям,
что умирали от тоски.

Я им траву косила ночью и в реку воду выжимала
из юбки рваного подола.

А им все мало...

Им не хватает.

Едят они траву и землю, и камни, и моих сестер...

Купи их, смелый режиссер!

Сними о них артхаус ненужный и никому не интересный,
как и мои верлибры впрочем...

А инопланетяне в моде, сегодня в сумке,
как собачки.

Я их таскаю против воли,
как шопоголик-неудачник.

Но тут они не просто так...

Они ведь знают, что Венера носит синий,

такой потрепанный пиджак,
а в сумочку так хочет синего бычка...

И вот вы всех моих быков украли,
осталось лишь рыдать во мраке ночи,
под звездным небом, забывая имя дочки,
что в рабство сына продала, за пачку мятных леденцов...

Пало Альто

Привет Пало Альто!

Город грёз моих, зашей мои раны...

Твои деревья бросают тень на мои губы алые.

Смех и лепет детей на улицах солнечных,

Чьи улыбки невинностью чистой наполнены,

Рассказал мне про тайные мысли нашего города.

Забери мой разум славный Пало Альто.

Прими мою душу рваную в одно из твоих никуда,

Ведь обещаю долину твою кремниевую пройду без труда.

И даже, если вдоль дороги я проползу окровавленная,

Я точно знаю, что ночью звездами, ты умоешь меня...

А знаешь, друг мой, Пало Альто, как я мечтала о тебе
бродя по улочкам Берлина?...

Как сладко звуки вытекали из иноземного винила?

Ох, если бы я не была к твоим закатам так ревнива,
в душе б своей тебя не заперла,

возможно с кем-то бы тебя и разделила,

а так... Сожгу тебя в себе дотла.

ЯДОВИТЫЙ ПЛЮЩ

И в тот момент, когда моя рука от тела отделилась,
Я вспомнила, как под окном моим мамаша посадила ядо-
ВИТЫЙ ПЛЮЩ...

***

Плющом тебя я назову, ты словно сыпь на моем теле...
Я из окна не вылезу теперь к отцу своей подруги,
Кристина, как ты надоела,
Диктуя правила свои ты забываешь,
Как выручали мы друг друга.
Ты вроде мать моя, хотя я иногда не очень помню,
Кто ты и, как тебя вообще зовут,
И как сюда тебя позвали...
Внутри тебя дыра зияет,
Поэтому ты посадила плющ под окнами своих родных.
Ты никогда нас не любила,
Искусно ты лгала нам всем,
И кажется враньем накрыло,
Всех тех кто якобы смирился с тем,
Что ты больна и не совсем разумна.
Ты плющ, ты ядовитый плющ,
Ты яд, опасная болезнь, безумная тревога,
Неудержима ты и действия твои возможно тоже.

Ты не была прилежной, безобидной, неприступной,
Не ты ли отрывала крылья мухам?
Не ты ли предавала всех своих друзей и близких
на протяжении всей жизни?
На разум действует любовь,
На душу ненависть и боль.
Поэтому тебя убьет не разум мой,
Тебя не помнит он совсем,
Убьет тебя душа моя,
Твоей "любви" благодаря.

Горький тмин

Продай меня на ярмарке, продай, как горький тмин.

Пускай меня засушат, изрежут на куски,

Добавят в пьяный ужин, рассыпят от тоски.

Продай меня тем людям, чьи надежды угасают,

На чьих устах едва заметно, улыбка вроде замирает,

И не счастливая, а будто, душа с рождения страдает.

Коль нету денег, я прошу, отдай ты даром.

Я залечу... Я помогу... Залью им раны!

Рецепт им незамысловатый покажи,

И расскажи о том, как сам готовил ты.

Меня... Тмина масло, черное, тяжелое...

На раны разливал и бесконечно плакал.

И заливал цветами синими свой ледяной бокал.

Отдай меня со скуки, продай за то, что я спасла тебя од-

нажды,

А после вымой тщательнее руки,

Прилипли семена, тмин все такое же влажный,

Как у реки тогда...

И пусть опять меня рассыпят,

И будет снова лень искать,

Ветра тогда подхватят, унесут, похитят,

А вы со временем меня начнете забывать...

Вирус

Я вирус. Почему? Спроси у ивы...
У ивы, что меня растила,
Что плакала со мною по ночам.
У ивы, что со мной всю жизнь дружила,
И не давала нашим зверским холодам.
Я вирус, в этом нет сомнений.
А почему, спросить попробуй снова ты.
Хранится в иве список сотни преступлений,
Хранятся в иве все мои мечты.
Я рассказала тебе все свои секреты,
И бесконечно мучила проблемами тебя.
С тобой считала ночи напролет кометы,
И осознала ты уже тогда,
Что вирус страшный и опасный я.
Я помню в детстве под твоими кудрями играла,
И пряталась от мамы, чтобы не нашла.
Тебя тогда еще не обвиняла,
В своем безумстве и бесчисленных грехах.
Потом, когда я повзрослела,
И стала приходиться с уроками к тебе.
С рассказами о том, что днем не ела,
Ведь помнится девичья прелесть в худобе.
Была я так еще мала,

И о любви я лепетала бесконечно,
А что в итоге нам любовь дала?
Ну кроме боли и печали вечной...
Ох ива, ивушка моя...
Рассказами тебе совсем я надоела,
Проблемами своими закопала я тебя,
Из-за меня совсем ты ослабела.
Слезами пьяная тебя я поливала,
Но забывала счастьем удобрять,
Тебя живой совсем я не считала,
За это можете меня камнями забросать.
Теперь о вирусе моем ты точно знаешь.
Ты на погибель обрекла саму себя.
Теперь стремительно в моих руках ты угасаешь,
Ведь от моих проблем ритмично корни гнили у тебя.

Танцы за пределами вселенной

Не думай о своих любимых во время танца на углях.
Не говори о том, как низко упали мы в твоих глазах.
Не виновата я сегодня, что ты не выспался вчера,
Все дело в танцах за вселенной, все дело в танце на углях...

Не нужно никому из нас тупое ваше сожаленье,
Сегодня ночью может быть я все же попрошу прощенья.
Не наши ноги обгорят сегодня в этом странном танце.
Не мы на празднике сейчас, униженные самозванцы.
Вишневый сок не вредно пить, им водку запивать удобно.
Прошу меня благодарить, за то, что танец бесподобный.
Танцую за забором мира, за самым краешком вселенной,
Не надо мне красоты сапфира, мне нужен вирус экзогенный.
Ленивый мой партнер и спутник, закончить танец не могу.
Мой верный друг, уставший путник, не лучше нам с тобой

в аду?

Я помню Андерсон писал о жутких красных башмачках,
И может он не ожидал, что мы погрязнем все в грехах.
Теперь мы словно в башмачках и страх нам больше не зна-

ком,

Мы танцевать должны в цветах, теперь уже от всех тайком.

За болью следует молитва, а за молитвой снова боль,

За миром ледяная битва, за битвой мир и алкоголь.

И только в танце нет законов, в нелепом танце на углях,

Танцуют даже ведь нейроны, в чистейших мозга зеркалах.

В глазах твоих безмолвная печаль

А помнишь я пришла к тебе домой?
Потом твой дом сгорел случайно.
Не то, чтобы ты злился на меня за это,
Скорей взглянул, глазами, полными печали.
Тем же вечером разбила я сервиз твой чайный,
И пока никто не видит заливался ты слезами.
Извини за этот инцидент случайный,
Парень с грустными глазами.
Вечно я помню тебя обижала,
Просто совесть давно уже потеряла.
Легче не будет я тебе повторяю,
Не пытайся разжалобить монстра глазами.
Вдвойне приятно наблюдать,
Как улыбаешься сквозь слезы.
Ты думаешь я милой смогу все же стать?
Ты предпочтешь реальности смешные грезы?
Мы можем подружиться все же,
И сердце больше я твое не трону обещаю,
Вот только я больная может,
Ведь все придумала я это, знаешь?
Ты плод моих кошмаров всех.
Никто меня естественно не любит.
Никто не плачет по ночам безумно.

И может это и не слишком остроумно,
И может быть меня все это и погубит,
Мои фантазии и грезы возможно сердце
мне и остановят.

На спор стрелять слишком глупо

Не то, чтобы я против этих игр жестоких,
Но боюсь придется долго драить стены после вас.
И где-то в центре ваших туш убогих,
Найду котенка, которого ты телом своим спас.
Как видишь сильно сожалею я,
О том, что медленно ползут трамваи.
О том, что наша милая со стороны семья,
Теряет всех своих детишек в теплом мае.
На спор стрелять слишком глупо,
Давай попробуем придумать причину убийства.
Ну начнем с того, что он ударил меня грубо,
А затем украл мой шоколад бельгийский.
Помню выгнал он мою собаку умную,
Ненавидел он моих подруг безумных.
Разбил мою душу на слух слишком шумную,
И не дал спасти на крыше парней полоумных.
Он злой и заслужил безделья вечного,
Не грубо ли так говорить теперь?
Ему уже не нужно мира бесконечного,
Не нужно и любви ему теперь...

Серьги в меду

Это лето рассыпалось снегом,
Разлилось водопадом ночей.
Этим летом моя фонотека,
Неба зимнего стала мрачней.

На рассвете я серьги топила...
Обмывала их в сладком меду.
Из цветов выжимала чернила,
Окропляя твой разум в бреду.

Лето с нами притворно дружило,
За глаза, обсуждая пороки.
В чай тайком нам болезни крошило.
После этого люди жестоки?

Серьги в вязком меду утонули...
Жаль, ведь дорого стоят они.
Стоят душ, что колечко сомкнули.
Ну зачем души им, объясни?

Стоят серьги в меду все забытые слезы,
Стоят терпкую осень, слепую метель.
Стоят все океаны, твои-мои грёзы,

Но не стоят тебя, дорогая, поверь.

Вишня над твоей могилой

Так небрежно ты пускаешь клубы дыма в потолок,
Постепенно понимаешь, что везет мой монокок.
Виртуальная реальность – это термин о любви,
И не важно, что спасаюсь я в ней от глухой тоски.
Твое имя позабудут, жаль, но это неизбежно,
Плакать вряд ли они будут, бросят горсть земли небрежно.

Я же брошу горсть семян, брошу, и останусь ждать,
И могильщик, хоть и пьян, тоже будет наблюдать.
Собирать мы будем вишню, как и раньше, в декабре,
Деревце всё неподвижно, словно бы назло луне.
Пьяный друг мой предложил в сад её перевезти,
Только у меня нет сил, деревце твоё нести.
Почему твоё? Отвечу. Ты под ним давно лежишь,
Корни крепко держат плечи, ты ему принадлежишь.
Не видать тебе ни солнца, ни кокетливой луны,
Ты при жизни был подонком, им подонки не нужны.

Хорошие мальчики

Хорошие мальчики вряд ли заплачут,
Не думаю, что ты достойна их слёз.
Хорошие мальчики днями херачат,
Без сна и еды, в жару и мороз.

Среди отупевших от безделья людей,
Хорошие пёсики совсем одичали.
Ведь не с кем общаться, ну кроме сетей,
Что их так коварно, всех разом, поймали.

Хорошими псами легко управлять.
Они ведь так страстно в тебя влюблены.
У них можно всё, что увидишь забрать,
Они же, как вещи, что только твои.

Ты главное знай, их обидеть несложно.
Обида в истерику вдруг перейдет.
Печальный исход и больница возможно,
Зато хоть оттуда никто не уйдет.

Хорошие мальчики дело в том, что страдают.
Их кто-то любил, а потом ненавидел.
Они и без слов сейчас понимают,

Конец их истории, нам всем очевиден.

Девочка из ниоткуда

Виной всему поэты.

Ведь вам совсем не интересно, чьё сердце вы разбили,
так жестоко...

Плывать хотелось вам на душу девочки Востока.

Она стихи читает ваши и представляет, как однажды,
сама расскажет миру историю свою

в стихах.

Она была не слишком многословна, бумаге свои мысли
отдала.

Но я её ночами слышала и иногда в луне, я наблюдала,
как она росла.

Я боль её хочу забрать, я не желаю больше знать
её страданий!

Она ведь не одна...

Судьба ко многим так жестока.

Никто не знает всех ужасных истязаний,
а я их вижу по ночам.

Ты помнишь звездопады прошлых лет?

Сияньем нас тогда хотело небо обмануть,

Отвлечь от боли и невзгод,

Отвлечь от наших с тобой слёз,

Слезами девочки Востока.

Я понимаю твою боль, но ты не одинока...
Я помогу тебе! Не знаю скоро ли, но ты ведь будешь ждать.
Я так хотела б всё тебе отдать,
Увидеть радость и улыбку на твоих устах.
Прошу, только не плачь ночами...
В луне увидеть сможешь ты меня однажды.
И знай, ведь это очень важно,
никто твой дух не сломит!
Они пусты, они ничтожны!
Не им тебя ломать...

На цепи

Как кот ты мне принадлежишь.
Ты думаешь смеяться стоит?
Теперь ты вряд ли убежишь.
Пусть мать твоя глаза умоет.
Ну хватит плакать глупый мальчик,
Тебя я не обижу, будь уверен.
А вот на счет собачки, я не знаю...
Порой она страшней любого зверя.
Я нарисую тебя, твои черты прекрасные.
Я украду твой взгляд хоть и не хочешь ты.
Молю, не называй меня опасностью,
Ведь безопасней я твоей суровой красоты.
Мой дом теперь в твоём распоряжении.
Моя семья теперь всегда за нас.
Да хватит говорить о заточении!
Ты можешь выйти хоть сейчас.
Вот только доберман не на цепи уже, как месяц.
И что ты смотришь? Я сама его боюсь...
"Молись!", – кричит жена священника Ванесса.
На ледяном полу, не видя звёзд, молюсь.
Хотела я украсть тебя навечно,
Но так жестоко ты меня перехитрил.
Теперь мучитель твой страдает бесконечно,

Теперь меня на цепь ты посадил.

Прикрой меня цедрой лимона

Я чай заварю прямо в горле,
вот только забыла лимонов сорвать,
где-то в Индии, цедру искала покорная мать,
моих теплых, завернутых в плесень, сестер.

Я их так любила...

Лимонные дольки, на локоны липли,
когда я стирала те платья,
что ты подарил своим женам,
которых так тщетно пытался забыть,
а платья украл, чтобы в спальне носить,
по ночам рукоблудством страдая.

Прикрой меня от всего этого срама,
вульгарщины столько, мне стыдно за вас!
А маменька в муках меня ведь рожала!
Зачем объясни мне?

Я вижу лишь похоть,
прикрой, поскорей, меня цедрой лимона,
я в землю вращу и усну навсегда...

Парижскую оргию помнит твой сын наизусть
и читает сестренке ночами,

а ты все меня проклинаешь,
меня и мои такие незрелые рифмы,
которые попросту лучше твоих.

Я на карте отмечу то место,
где cedры полно и танцуют,
твои обнаженные жены.

Ты их забери, чтобы землю мою не топтали святую,
чтоб cedру не мяли ведь я с нею играю
и ей поклоняюсь, ее и варю.

Варю, а затем в вино подливаю
и с Богом на пару тебе продаю.

Надеюсь тебе это зелье по вкусу.

И строго не стоит нас с братом судить,
мы правда не знали, что cedра пропитана ядом...

В гробу такой жалкий...

Укутанный бархатным, глупым нарядом,
прости нас дружок,
мы были не правы,
должны были раньше тебя напоить.

Последняя девушка на свете

Я не принцесса, я не королева,

запомни мама – я король.

Мое все то, что неизбежно сгорит,

под праведным дождем.

Мое все то, что я соткала из теплых севера ветров,

я их поймала, их ласкала,

пока ты целилась в меня,

но я последняя осталась, надежда я теперь твоя.

Меня ты вырастить сумела, сейчас забыто для чего,

а я как прежде собираю дома из лего...

Меня ломают, я не сдамся,

я сон трава, я твой дурман,

забуди меня, мой хриплый голос,

мой слабый волос,

что между рюмками упал,

во время жизни праздника пустого.

Я не пишу давно тебе,

мне все равно, что у тебя на воле там,

ведь я в тюрьме.

Построила ее не просто так,

а чтобы стать последней девушкой на свете,

а ты дурак на воле там,
твоя жена, сестра и дети,
и мать моя...

На нас летит звезда, горит огнем,
а я без страха наблюдаю,
за тем, как вы пытаетесь спастись,
и улыбаюсь,
ведь тут один король,
и он спасен...

Непенф

Ты непенф мой – лекарство от грусти...
Хотя я порой так рыдаю,
что стены не выдержать могут.
Все дело во мне, я совсем потерялась,
до встречи с тобой я не знала значение слова "любовь".
Но теперь я все знаю...

Не слышу других и увидеть не в силах,
за теми домами, что рушиться будут,
тебя я теряю, когда мы в порыве страстей неизбежных,
ревниво в глаза вставим два изумруда.
Я так бесконечно ошиблась при встрече,
не выдала сразу признания,
что не могу я, малыш мой,
тебя потерять не могу...

Ты таблетка моя, что должна ежедневно меня баловать.
Проходить через тело, сквозь слабое сердце,
так резко ломать, чтоб потом починить,
и чистые вены, вокруг батареи ночами сушить.

Ты так незаметно ко мне подлетел.
Но где твои крылья?

Их нету уже и не будет...

Ведь если отдам я тебе их ты в небо,
быть может, обратно захочешь,
а я не позволю...

Ведь я твое небо, забудь ты мой мальчик
навек про волю...

Все умрут, а я останусь

Все умрут, а я останусь...

Сок лимонный я волюю в свои глаза,
чтобы не видеть страха истощенного,
чтобы не знать, что на твоих устах,
застыли две молитвы
и увядает бабочки пыльца.

Останусь я над морем праведным гореть,
с желанием напиться вдоволь,
не видеть гор и только солнце так бестолково,
нам станцует и рай покажет...

Мне Буда истину на ушко, так нежно пел,
а мне плевать!

Я даже слушать не желаю про Нирвану,
я телом всем прильну к экрану,
желая там найти ответы о том,
что пели мне поэты,
на утро после майских гроз.

Я не останусь, но умру,
а может не умру, не знаю...

Я в вечности хочу тонуть,

и ей я бесконечно каюсь,
под звездным небом и луной,
в слезах от первой чистой боли,
простите розы моё горе и Богородице несите,
обиду на подносе битом...

Я найду тебе могилу поукромней.
Я найду тебе могилу поукромней милый,
Только сообщить о смерти не забудь.
Не забудь на чердаке плоды гнилые,
Затолкай мне их поглубже в грудь.

Верен ли тебе твой ангел молчаливый?
Думаю сейчас лишь демоны верны.
Ну тогда я демон твой ревнивый,
Демон, что приплыл из глубины.

Почему ты все еще не в красной книге?
Ты ведь редкий и опасный вид...
Расскажи, прошу, о верхом бриге,
Что доньше в нежном море спит.

Я на дне поодаль проплывала,
Но тебя заметить так и не смогла.
Не плыла, клянусь, я утопала,
В сладкой луже красного вина.

Но тебя спасти я постараюсь,
Я для этого на землю и пришла.
Чтобы дьявол, с коим за тебя сражаюсь,
Ни за что не сжег тебя дотла.

Крокодилы в твоей кровати

Разлей вино вокруг пустой могилы,
Чтоб полусладкими казались дни.
Лежат в твоей кровати крокодилы,
Они мечтают в мои вены заползти.
Не бей меня без видимой причины,
Зашей мне веки ради вечной темноты,
Познай мои бездонные глубины,
Познай природу чистой красоты.
В твоей кровати чувствую опасность,
Там пасти жадные преследуют меня,
Твоего тела и души вся безобразность,
Меня приманит медленно пьяня.
Скорми меня своим друзьям-пришельцам,
Раздень, укутай в крапивы ростки,
Продай меня глухим рабовладельцам,
Что будут так бессмысленно жестки.
Любовь и боль синонимами стали,
Когда в кровать ты хищников привёл.
Они всю ночь с моей душой играли,
На утро же восточный мак зацвёл.

Очень жаль

Я прочту Отче наш наизусть сидя в кресле,
прогнившем насквозь, неудобном, но вроде во имя
чего-то святого должна я терпеть, увядая и плача наигран-
но,

так истерично смеявшись над тиграми,
что меня рвали обиженно,
услышав от дрессировщика глупого,
что я им не мать вовсе, а кошка чужая,
мать саблезубого...

Твои я пределы мечтаний, пределы страданий точнее,
твой личный мучитель, больной кровопийца,
прости за глубокие, рваные раны,
я их зализать постараюсь, как можно быстрее.
Тот свет, что в окне, не похож он на солнце,
похож на сияние платья эскортницы,
его ей купил брат со странными отклонениями.

Я сегодня в унынии из-за стихов своих.

Они паршиво звучат.

Очень жаль...

Спасибо за внимание.

Абсурдные картины моего воображения

За красочным фасадом дома моего
скрывается обида детская,
глубокая, как океан,
в котором тысячи акул тебя съедали.
Не отрезай мне крылья умоляю...
Насильно не корми меня гвоздями,
я не смогу переварить ту боль,
которую загонишь в глотку мне, как водку,
что вливают жертве прямо в пасть.

Сегодня день расплаты.
Я все истории запомню о маньяках,
чтобы потом не растеряться и не забыть,
как в ночь с субботы мне тебя убить.
Но только осторожно, не повредив той мертвой кожи,
которой ты покрыт от глаз до самых стоп.

Не режь мне вены, я за бессмертие сражаюсь.
Не зря меня по ящику готовы показать за деньги.
Они мне платят, я смотрю в холодный черный объектив,
там на другом конце планеты, моя забытая сестра,

жрет мясо, с кровью,
давно просрочено,
пусть жалобу напишет,
тем, кто продал его,
за золотые зубы тетушки.

Ржавые гвозди

Мир пуст... Вам сложно, что-то объяснить,
о вас писать лишь время тратить, но так и быть,
я расскажу, что здесь за чем стоит.

Вы все продажны и тупы, для вас нет стопа.
Вам лишь бы жрать и спать на теплых простынях,
тогда, как в мире люди гибнут в нищете и голоде.
Я посмотрела новости на днях
и обомлела...

Нет в мире места больше справедливостью залитого,
чтоб доверху,
есть вы и ваши жирные тела,
что стула два займут, а истощенный будет помирать,
на слабеньких ногах болтаясь.

Я рифму потеряла гневом захлебнувшись, уж извините.
Все дело в ваших душах вы поймете скоро,
в том зле, что вас окутало, но вы терпите,
как терпят гвозди ржавые столовый уксус.

С неба падали люди гнилые

С неба падали люди гнилые.

Они шли ко мне на обед, где за круглым столом обвиняли меня.

Обвиняли во лжи и в ошибках детей,
что топили в вине свои сладкие грезы.

Они видели звезды и слепой полумесяц,
на дне битых бокалов.

Они плакали и проклинали меня,
называли безмолвной Богиней,
что тьму привела в их дома и с цепи на мужей,
таких верных спустила.

И вина моя в том, что безвольны они оказались.
Гниль пустили корнями в тела проституток,
грязь пихали в их рты дабы чище самим стать,
но нет...

Вы считали, что я ваша мать,
вы доверили мне все секреты свои,
на рассвете рыдая у теплой реки.

Пьяный шепот ваш слышала я по ночам,
как же быстро вы предали то, что так страстно любили.
То, чему молитвы свои завещали, что в священную книгу
ночами писали, а после, под утро, детишкам читали.

С неба падали люди гнилые...

Я не видела смысла ловить их и они на меня ополчились.
Они жгли и топили меня, пока я не ушла в забытьё,
и пока не услышала там, на чужой стороне,
собственных тихих рыданий...

Вскармливание

Изголодалась по любви родительской?

За деньги ты готова покупать все, что не дали
близкие когда-то люди.

Давай не будем забывать иль все-таки забудем о том,
как предали тебя все те же милые поэты,
что пишут под луной сонеты о твоём сердце с мир вели-
чиной

и о глазах, что красотой мир залиют, моря наполнят до
краев,

а с ними и бокалы опустошенные давно.

Пока тебя кормить я буду силой, читай молитву про себя.

Не знаешь коль молитв, так умоляй меня.

Склонись передо мною и пой пока не надоест мне,
затем пляши, а после сказку расскажи,
чтоб я заснула. Со мной усни...

Я не преступница, я лишь пытаюсь накормить то тощее,
несчастное создание, что убивать себя готово
во имя столь размытых идеалов.

Тут пахнет гнилью. Это от тебя.

Поешь, поверь, еще не поздно,

хотя уже ты холодна,
но ты пока глотаешь воздух.
Я так надеюсь, что спасу тебя,
еще есть время...
Налей вина. Теперь почти ты спасена.

Абсурдные картины моего воображения 2

Для меня нет Бога...

Я говорю это лежа на полу в своей комнате,
кончив, от песен своих же, написанных,
рукой неприлично водившей,
по девственно-чистым страницам,
блокнота, что куплен был на распродаже
и продан был там же,
уже весь исписан.

Купили за цент, а продали за фунты,
искусство бесценно, увы, не мое.

Мне надо в стакан лить не воду,
а что-то покрепче,
не с целью напиться, а чтобы увидеть
на дне океаны...

Вокруг опустеет бокал за бокалом
и вот я пропила искусство свое...

Прошу, не ломай мои хрупкие замки.
Я их из песка лепила ночами,
сбегая от матери, что меня била,

и днями вопила о несправедливой,
жестокой любви.

И помню, как сладкою солью кормила,
чтоб я не спала и писала,
ночами и днями писала...

Похорони меня, прошу, заживо

Похорони меня Саша, заживо.

Не забудь организовать церемонию прощальную,

На тебя я возлагаю все надежды свои вчерашние,

Как тогда, в выходной, на фантомном свидании.

Я придумала все наши встречи случайные,

Как придумывала теплые зимы в мае отчаянно,

Я продолжала надеяться, что мы как-то связаны,

Но мы оказались просто поломаны

и врачу одному и тому же за лечение обязаны.

Ты причина моей депрессии, слез по ночам,

Причина безумия вечного, ругательств в адрес родителей,

Причина отъезда скорейшего в злой Амстердам...

Похорони меня Саша за домом, где море мое разливалось,

Где якобы тихие девочки в сердце прятали боль свою

нестерпимую,

Где мать моя, крича о бессмысленности бытия, ядом пле-

валась,

Где пьют вино под звездами дети соседей пустые да нера-

дивые.

Я помню пустые обещанья: купим сладостей, сходим в ки-

но,

Может станцуем, рассмеемся, заплачем,

Мигом забудем, вот оно чудо, где-то на даче, буду – не

буду,

Хватит ломаться...

Тихо и мирно, без сожаления, ты совершишь страшное преступление.